

18+

Расскажи еще...

Анвар Итисъ

Annotation

Лёжа на смертном одре в последние дни своей жизни, испытывая мучительные пытки от потери рассудка, старик Алаиз думал лишь об одном – как сохранить хотя бы крупицу своей памяти. Расставаясь с последними воспоминаниями, он находит родственную душу, еще не испорченную взрослыми, и делится с ней собственносочиненными историями, но с большими лакунами из-за обострившейся болезни. И теперь ей предстоит разобраться, что было истинной историей ее семьи, а что лишь плод воображения старика.

Расскажи еще...

Итиль Анвар

© Итиль Анвар, 2022

Глава 1

Тоннели автострады тянулись длинными полосатыми хвостами, будто машина мчалась по тигриной шкуре. Даже сейчас клонясь к закату, солнце светило по-летнему ярко. Его желтые уже с красноватым оттенком лучи пробивались сквозь колонны горной автострады, неприятно мерцая на большой скорости. Мария, каждый раз въезжая в тоннель прикрывала лицо ладонью, отгораживаясь от мелькающих в глазах столбов света. Кондиционер в салоне поддерживал комфортную температуру в двадцать два градуса, а два часа проведенных в машине совершенно стерли воспоминания о том какой за окном был горячий и липкий воздух. Дорога вдоль моря вела ее в одну деревушку, откуда она была родом. Там, вдали от больших городов, у реки, в родительском доме, Марию ждал ее отец. Хотя женщина не была уверена, что он ее все еще помнит. Мария навещала отца как минимум два раза в год, но этого было мало. Голд Алаиз, так зовут отца Марии уже почти семь лет страдает от болезни Альцгеймера. И эти семь лет дались очень тяжело для семьи Алаиз, но не для Марии, она нашла легкий выход и попросту сбежала из дома как только представилась такая возможность. Нет, это не было малодушие с ее стороны и по большей части причина была не в отце. Она встретила любовь всей ее жизни, раньше чем у отца появились первые симптомы, села в машину к мужу и счастливо зажила вдали от родственников. Наступило время о котором она так давно мечтала. Но ее мечта не приносила полноценного счастья, ведь с отцом она оставила свою сестру.

Матери у сестер Алаиз не было, а точнее они не знали кто она, а отец упорно молчал, всю свою жизнь скрывая в тайне ее имя. С обострением болезни дочери и вовсе отчаялись узнать от отца, что-либо о матери. А будучи еще в здравом уме старик то ли не хотел расстраивать девочек, то ли наоборот радовать. Ни семья, ни соседи не понимали Голда Алаиз, его отношение к окружающим, а остальные просто его не выносили, стараясь держаться от него подальше. Да, и друзей у него никогда не было, лишь случайные знакомые, непостоянные коллеги и лишь под старость лет продолжительное общение с докторами (и те сменялись как перчатки не долго вынося старика). Дочери конечно любили отца, но каждая по своему, а одна по мнению другой, просто оказалась ловчее и бессовестнее.

Но вот настал момент, когда и Марии пришлось заплатить по счетам. Ее праздная жизнь вдали от родительского дома подошла к концу. Хотя может быть этот момент расплаты оказался тем самым поворотным случаем в ее жизни. Она наверное осознала, что это неизбежно и все в ее жизни вдруг заговорило о том, что пора вернуться домой. В раю, который Мария нарисовала себе сама, не все было так радужно и спокойно. Маскирую супружеские проблемы под семейный быт, она лишь усугубляла свое положение, не замечая за розовыми очками какая буря надвигается на нее.

Ночной звонок, вчера после полуночи, заставил Марию встать с насиженного места и отправиться родные Пенаты. В телефонном разговоре старшая сестра сообщила, что их отцу резко стало хуже и ему осталось не много; врачи пророчат скорую смерть. Этот тревожный звонок стал призывом к действию. И вот с тяжелым сердцем и с трудом подбирая слова для встречи, Мария уже через сотню километров съедет с асфальтированной дороги и углубиться в сельскую местность. Прощальные слова, которые так тяжело было найти, сейчас бесформенно роились у нее в голове. Она думала о прожитых годах с отцом, о смерти, что ждет каждого, о времени, которое становится все заметней, когда приходит старость.

Поглядывая в зеркало заднего вида, на своего пассажира на заднем сиденье, Мария вдруг почувствовала как время стало осязаемым и реальным, как то что можно было потрогать – нить, которая связывает годами Марию и ее пассажира. Нить, которая тянется через пространство от нее к отцу. Время это образы из прошлого, и так оно становилось реальным, настоящим. Мария думала об отце, для которого прошлое заменило настоящее, и это была та тонкая, последняя оставшаяся ниточка между ними, которой Мария так пренебрегала все эти годы.

Бежевый внедорожник спрыгнул с асфальта и колеса дружно зашуршали по проселочной дороге. Машина ехала поднимая пыль, слегка покачиваясь из стороны в сторону, пока не добралась до ровной щебенчатой дорожки. Скоро Мария увидится с сестрой. Вот из-за деревьев показалась красная крыша отцовского дома. Доботно уложенная черепица не менялась уже много лет, Мария помнила как еще ребенком смотрела на то как их отец сам стелил эту крышу и пожалуй этот дом единственное, что было неизменно в этой семье. Остальное же, менялось как ветер в мае. Мария не успевала уследить за отношениями складывающимися в этом доме, обиды сменялись приветствиями, желания помочь в миг сменялись ненавистью, дальняя родня становилась чуть ли не самыми близкими друзьями, и вот через мгновения отворачивались не желая друг друга знать, и возможно это было по вине самого старика, но Мария давно огородилась от всего этого непостоянства непроницаемой стеной и сейчас готовила себя к безжалостной волне, потопного масштаба. Волна, которая накроет ее с головой швыряя о жесткое дно. Женщина глубоко вдыхала прохладный воздух кондиционера, будто действительно боялась захлебнуться в пучине семейных страстей.

Машина замедлила ход, щебенка перестала хрустеть под колесами и стучать о дно автомобиля. Женщина с опаской подъезжала к дому, словно не хотела привлекать внимание, и не беспокоить жильцов раньше времени. В свои полные сорок лет, Мария немного побаивалась старшей сестры и ее выходок. Хотя она не верила, что с возрастом люди меняются, Мария надеялась, что ее сестра исключение.

– Мам, мы уже приехали? – С заднего сиденья автомобиля раздался заспанный детский голосок.

– Да, просыпайся, Лара, – ответила Мария. – Вон, смотри, твоя тетя Виктория нас уже встречает, – она от волнения передала педаль газа, и машина сделала неловкий рывок вперед.

Под козырьком, на широком деревянном крыльце стояла женщина, внешне очень похожая на Марию, только на тройку лет старше. Кудрявые волосы ее были темнее, пряча большие карие глаза с прищуром, а кожа смуглее, солнце блестело на ее загорелом лице, оттеняя красивый прямой нос, а сарафан надетый на ней был совершенно из другой жизни, отличной от той в которой жила Мария.

Машина замерла как вкопанная, подняв низкие клубы пыли. Задняя дверь распахнулась и по пыльной дорожке на встречу вышла пара ножек в изящных сандалях.

– Добрый день, – шурясь от яркого солнца, сонным голосом поздоровалась девочка.

– Привет, Солнышко. Как ты выросла! Давно же я тебя не видела! – Радостно приветствовала ее Виктория, протягивая руки к племяннице. – И что ты тут делаешь? Разве сейчас не каникулы и ты не должна веселиться со своими ровесниками на загородных вечеринках у моря? С мальчиками!

– Мальчики – идиоты, тетя, – Лара ответила расстроенным голосом, но потом

улыбнулась.

– Да, тоже верно. Я даже за одного такого вышла замуж. Только «тссс», никому ни слова, – Виктория приложила палец к губам и улыбнулась в ответ.

– И не такая уж она и скверная, – сказала Лара, падая в объятия тетушки и глядя на мать. Затем перевела взгляд на Викторину и снова мило улыбнулась.

– Я такого не говорила, – тут же в свою защиту возмутилась Мария из открытого окна автомобиля; воздух горячей волной окутал ее и на лице выступили капельки пота. – Я сказала, несносная! Несносная.

– Ты знаешь, Лара. Я совершенно, не удивлена. Твоя мать всегда меня недолюбливала! С детства, – все еще прижимая к себе племянницу, Виктория сердито смотрела на Марию. – Надеюсь ты пошла не мать.

– Ну, ладно. Я так услышала, – улыбка не сходила с уст Лары.

– У тебя невероятно плохой слух для пятнадцати летней, – подметила Мария. – Тебе надо показаться врачу.

Она сделала шаг навстречу сестре. Та уже стояла уперев руки в бока:

– Ну, что ты там стоишь. Иди сюда ближе, к своей скверной сестре, – буравя Марию взглядом, грубоватый и сердитый голос Виктории сменился на спокойный и игривый. – Дайка, я обниму мою девочку.

Женщины пошли друг к другу и обнялись. Мария ограничилась бы и поцелуем, но Виктория провинциально прижала сестру к себе.

– Я так не говорила, – снова оправдывалась Мария.

– Давайте, проходите в дом. Там уже все ждут, – Виктория шла позади, подталкивая гостей вперед. – Несносная? Правда? – Она тихо переспросила у Марии.

– Да прекрати, сама знаешь о чем я, – так же тихо ответила Мария.

Говоря, «все», Виктория имела в виду своего мужа Холофа, сыновей Хилла и Люка; отец сейчас вставал очень редко, он лежал на втором этаже в самой дальней комнате. Холофу было уже пятьдесят, детям по двадцать два и двадцать соответственно. Виктория родила Хилла еще в двадцать лет, через три месяца после того как вышла замуж за Холофа. А Люк был уже более обдуманым и планируемым ребенком в браке. Ребята выросли сносные, как считала Мария, да и родители ими не были огорчены. Главное что были послушными и особенно в отношении отца. Свою двоюродную сестру не обижали, и даже оберегали, хотя видели ее редко. Конечно, озорничали как любые подростки. Холоф никогда не нравился Марии, своенравный вечно хмурый, он все время ждал и не сближался с людьми пока те не заслужат его внимание. В общем Мария не была из числа тех людей.

Дверь открылась, и первым на пороге появился Хилл, он обнял и поцеловал по очереди обеих. Неожиданно для Марии, в прихожей стоял Холоф. На его лице была непривычная для Марии гримаса. Он не особо радовался ее визитам, но происходящее с ее отцом заставило его напрячь мышцы лица, и удерживать скупую улыбку. В одной руке была бутылка пива, в другой стопка с прозрачной и характерной для встреч жидкостью.

– Вы же сегодня больше никуда не поедете? – спросил Холоф, протягивая Марии стопку со спиртным. – Я помню, что ты ее любишь, Мэри.

– И тебе не хворать, Хол, – ответила Мария.

– Здравствуй, дядя Хол! Всем привет, – Лара поцеловала Холофа в щеку и прошла в комнату.

– Здравствуй, здравствуй. К чему эти любезности, Мэри. Мы знаем какие у нас

отношения. Я тебе не мировую предлагаю выпить. А просто выпить. – Холоф был прямолинейным человеком. Это было тяжело принять посторонним людям, но семья и близкие уважали его за это. – Ты давно не видела Алаиза. Пятьдесят грамм не буду лишними.

– Очень учтиво с твоей стороны, – Мария опрокинула предложенную выпивку в рот и зажмурившись с силой выдохнула.

– Вкусно? Сам гоню. Мы с мальчишками поставили аппарат в сарае. Почти литр в день!

– Ты ж вроде после сухого закона родился. К чему такие жертвы, Хол? В магазине перестали продавать тебе горячительные напитки? – Мария не сдержалась от язвительной речи.

– Мэри хватит. Пойди лучше наверх. Отец в дальней комнате, – Виктория подошла со спины и взяла сестру за плечи, подталкивая ее к ступенькам.

– Лара, идем со мной, – мать позвала дочь.

Свет пробивался тусклой полоской из окна в конце коридора. Косой луч заходящего солнца светил прямо на дверь, за которой лежал Голд Алаиз. Скрип половиц давал понять, что кто-то идет по коридору. Женщины молчали, стараясь не потревожить старика раньше времени. Окна в комнате были плотно занавешены, но их силуэты отчетливо читались в лучах краснеющего солнца в проеме двери.

– Мария, это ты? Сколько раз я тебе говорил, не беспокоить меня когда я отдыхаю, – голос старика был слабым и лишенным интонаций. – Ну, да ладно, раз пришла подойди ближе, дочка. Как твои дела в школе?

– Дедушка, я уже не в школе. Я ее закончила, – ответила Лара, подсев на край кровати.

– Не говори глупости, Мария, – старик протянул к ней руку и прикоснулся к лицу. Пальцы аккуратно с любовью скользнули по щеке.

Признав посетительницу, он взял девочку за руку:

– Мария, дочка, а кто это с тобой? – Он перевел взгляд на женщину за спиной Лары. – Она так похожа на твою мать.

От этих слов у Марии екнула в груди. Бред старика был похож на проблески давно минувшего, но реального прошлого, о котором он никогда не говорил.

– Это и есть моя мама, дедушка, – упорствовала Лара, не понимая в чем дело. Но прикосновения старика были подобны волшебным чарам старой ведьмы. Лара почувствовала, что она в этом доме неспроста. Откуда-то из глубины сознания поднималось неутомимое желание все разузнать.

Старый Алаиз будто и не слышал девочку, продолжая тяжело и невнятно произносить слово за словом.

– Что нужно? Вы из школы? Девочки, что-то натворили? Мария, признайся, иначе знаешь, что будет хуже, если я узнаю сам, – Голд напрягся, он сжал руку Лары так, что та взвизгнула от боли. Мария тут же подскочила к кровати и выдернула руку дочери из железной хватки старика. На удивление он был еще силен, хотя по нему уже этого не скажешь.

– Папа! Отец... Голд! Что ты творишь? – воскликнула Мария. – Прекрати.

Мария конечно знала, что раньше бывало когда та хулиганила в школе. И реакция дочери для нее вполне была знакома. Голд никогда не обходился полумерами – он был либо ангелом, либо дьяволом, он никогда не был обычным отцом как у других ее сверстников.

– Да кто ты, черт тебя побери, такая? Женщина! – чавкая и золотая слюги брызгая слюной,

старик взорвался от возмущения.

– Я твоя дочь, папа! Мария Алаиз. Я твоя дочь, не она! Вспомни же наконец-то, папа! – Она стучала себе в грудь открытой ладонью.

Наступила тишина и Голд обиженно опустил напряженную голову на подушку, он устал.

– Идем, идем, оставим дедушку одного, – тихо прошептала Мария забирая дочь из комнаты. Конечно же она ни не могла винить теперь отца. Ей было тяжело видеть его таким беспомощным, разбитым и лишенным рассудка. Она незаметно смахнула слезы. Ее желание не втягивать в это свою дочь было понятным. Но это желание не было обоюдным. Ребенок уже заглотил наживку, осталось лишь подсекать.

Фонарь над крыльцом освещал подъездную дорожку к дому. Холоф стоял у выключателя и крутил отверткой болт стягивающий провод и клему.

– Чертовы крысы. Хилл! Там все готово? – пьяный голос прогремел на всю округу.

Он заглянул за угол дома и посмотрел на сына. Свет из окна освещал дорожку и было видно как тот протягивал новый провод в кабель-канал. Луч от налобного фонарик сына гулял то влево то вправо в сумрачной темноте.

– Сейчас. Секунду. Подключаю, – Хилл крикнул в ответ, не глядя на отца.

Холоф что-то заметил и спрыгнул с крыльца. Он быстро, но тихо пошел к сыну. Хилл был увлечен подключением провода к коробке с предохранителями и не слышал как отец подкрался к нему.

– Готово, – оборачиваясь, сказал Хилл. Он не ожидал увидеть отца так близко и от испуга вздрогнул.

Холоф замахнулся на него отверткой, ее металлическое острее заблестело в свете фонарика.

– Ааа... ммм, – вздрогнул Хилл.

– Тихо, – Хол заткнул сыну рот свободной рукой и с размаху опустил руку вниз.

Отвертка пронеслась мимо головы Хилла и ударила в деревянную полку за его спиной. Хилл обернулся и на него из ячейки старого стеллажа выскочил серый большой комок и пружиня на тоненьких ножках отскочил от парня, скрывшись в полумраке ночи.

– Черт побери! Свети! Свети. Где она? – закричал Хол.

– Какого черта! – в ответ закричал Хилл.

– Свети на землю! Свети! А, дай сюда! – Хол сорвал фонарик с головы сына и начал шарить лучом по земле.

– Вон она, вон! У стены! – Хилл водил пальцем.

– Топчи ее, топчи! А то убежит!

Мужчины накинулись на зверька с двух сторон, принявшись топтать его ногами. Зверек метался между стеной дома и опасной поступью нападавших, ловко уворачиваясь от неуклюжих ног. Хиллу было жалко животное, а Холоф просто не мог точно попасть из-за выпитого алкоголя. И все таки он умудрился краем подошвы наступить на зверька, от чего тот громко запищал, но продолжил убежать. В отличие от сына ярость Холофа была по настоящему жестока, а поняв, что это бесполезно, и силы его скоро иссякнут, протянул свободную руку в сторону стеллажей, и как по волшебству в ней появилась штыковая лопата.

– Стоять! – закричал Хол. И сын послушно замер.

Фонарик удачно осветил серый комочек, глаза зверька заблестели в луче света, он тоже на секунду замер. В следующий момент раздался лязг и скрежет металла о бетонный пол. Холоф держал черенок крепко сжимая его в руке. Острие лопаты попало в цель. В углу между стеной дома и бетонной дорожкой лежала крыса, разделенная плоским листом металла на пополам.

– Ха! Попалась, поскуда! – радостно выпалил Холоф.

– Ну, все пап, она уже мертва. Давай ее уберем с дорожки.

Холоф ослабил хватку. Полотно лопаты сдвинулось от стены. Крыса открыла глаза почувствовав свободу и рванула вперед.

– Ах, ты ж тварь живучая! – вскрикнул Холоф. Он бросил фонарик, взявшись обеими руками за черенок, и подняв лопатой словно меч над головой, рубанул в темноту.

Снова зазвенел металл. Хилл поднял фонарик и осветил на отца и ему под ноги. На дорожке лежало полотно, отломанное от черенка, прикрывая одну половину крысы.

Свет фонаря над крыльцом дома как прежде освещал подъездную дорогу к дому. Женщины выглянули в окно.

– О, мои мальчики починили фонарь, – Виктория одобрительно посмотрела на мужа.

– А что это были за крики? – Тихо спросила Мария.

– Ох, я уже давно не обращаю внимание на такое. Стоило детям перейти в старшие классы, и Хол стал только так разговаривать с ними. Крик, недовольства, грубость. «Я воспитываю, раз ты этого не делаешь», так он говорит, – Виктория тихо ответила сестре, возвращаясь за стол.

– Хорошо, что у тебя нет девочек! – Мария улыбнулась.

– Хорошо. А может он был бы помягче с дочками? Не знаю. – Виктория пожала плечами. – Кстати о дочках. А где твоя?

Никто не видел как штора на втором этаже задёрнулась и темный силуэт скрылся во тьме комнаты второго этажа.

Лара сбежала под шумок от матери, тайком прокравшись в спальню к старику. Прежде она выслушала подробную инструкцию по обращению со стариком от Виктории, братьев и немного от дядюшки. Но ее, все еще детский мозг не был готов к реальности в которой живет дедушка Голд. Интерес и любопытство привели ее в этот познай час сюда, а еще строгий и не понятный наказ матери попусту не тревожить деда. Лара приоткрыла дверь и вошла в комнату. Было видно, что старик не спит, он ворочился в кровати.

– А где твоя сестра? Где Виктория? Неужели с этим несносным Холофом Прайсом снова сбежала. Ты ей передай, что грипп, этот чертов грипп продлиться не долго. Я встану и выпорю этого мальчишку! Грубый, назойливый, два слова из него не вытянешь! Еще не дай бог, в мужья нашей Виктории набивается. Набивается? – Голд строго глянул на девочку.

– «Кого-то он мне напоминает», – сказала про себя Лара, думая о дядюшке Холофе и пожала плечами. – Не знаю.

– А ты не смотри на сестру, она у нас взбалмошная. Ей вкрутили в уши всякую чушь эти учителя школьные, – продолжал, не останавливаясь дедушка. Он снова будто бы устал, но продолжал что-то бубнить. Лара закрыла глаза пытаясь понять о чем говорит старик, было похоже что он кому-то жаловался:

«– Крохотный номер в этом придорожном отеле! Старые простыни, полупустой бар с теплым пивом и в автомате на улице нет льда! Мне все это надоело, Уилфред! Ты мне обещал, что я буду собирать стадионы фанатов!

– Ну, Клинтон. Надо еще немного потерпеть. Еще чуть-чуть.

– Сколько еще можно терпеть, Уилфред? Мы уже полтора года колесим по этой чертовой планете, и ничего! Мы потратили последние деньги на перелет, и вот уже полтора года не можем выбраться с этого богом забытого, мрачного, черт знает, куда летящего шара! Тут у половины жителей даже нет ушей, а у другой – нет вкуса!

– Ну и что, зато ты необычно выглядишь. И песни у тебя хорошие. Правда, хорошие. Ты помнишь, какой фурор ты произвел в Бразилии? Помнишь?

– Это были земляне, Уилфред! Земляне! А тут, оглянись! Тут даже нет нормального

стадиона. Я выступаю в супермаркетах! Ты просто вслушайся в эти позорные слова – в супермаркетах!

– Ну, знаешь... За то ты на свободе. И вообще, если бы ты не вел себя как последняя сволочь, мы бы сейчас все еще были на Земле.

– То есть это я виноват, в том, что ты меня хотел продать в рабство этому шейху?

– Там контракт то был, всего на годик! Всего на один короткий годик!

– Годик? Год, Уилфред, это 365 дней, как его не назови! Год, черт тебя побери!

– Ну, хватит кричать, успокойся. А то голос посадишь. Посмотри на меня, видишь я спокоен, и голос мой спокоен, и мой пульс спокоен, и я не покраснел как ты, и капилляры в глазах не полопались как у тебя, и руки не трясутся.

– Что мне делать, Уилфред?

– Ну, во-первых, не надо было спать с его женами. А во-вторых, ты убил его последнего тигра. Буквально, последнего на Земле тигра.

– Всего с двумя, Уилфред, всего с двумя. У него их много было. А тигр. Тигр сам съел ту гадость, которой меня кормили.

– Там было четко написано, «не кормить»!

– На арабском, Уилфи, на арабском!

– Весь мир говорит на арабском. Кроме тебя. Ты же у нас звезда, «я не могу читать задом наперед, у меня кружится голова».

– Да, Уилфред, такое у людей бывает! У меня даже где-то была справка от доктора МакМерфи.

– Это я заплатил за эту справку, чтобы доктор тебе ее выдал!

– О, Уилфред. Как же мне быть? Я задыхаюсь тут, мне нужен большой размах, сцена, миллионы жадных глаз...

– Замолчи.

– ...Пышные наряды, гримеры...

– Заткнись! Я говорю, заткнись. За дверью вроде патруль. Если они снова нас увидят, мне нечем будет давать им взятку.

– Почему?

– Потому, что наша лицензия и паспорта давно истекли.

– Какого черта, Уилфи?

– Ну, так вышло. И вообще, говори, пожалуйста, шепотом, как я.

– Вот так?

– Нет. Еще тише.

– Уилфи, может черт с ним? Полетели домой.

– Ты же в курсе, что с тобой сделает шейх?

– В курсе. Я же не питона его приговорил... А тигром быть не так уж и плохо. Лучше чем человеком на этой планете.

– Ты проведешь остаток дней в клетке, в полосатой шкуре, рыча на посетителей. Ты это понимаешь?

– Да, Уилфи, да! И я не хочу говорить тише. Пускай он меня превращает в своего нового тигра! Офицер, офицер! Мы Земляне без регистрации! Депортируйте нас домой!

– Ах, ты ж не благодарный кусок дерьма, Клинтон! Какая же ты сволочь. Вон смотри, что ты наделал. Иди, открывай, за тобой пришли.

– Ничего, Уилфи. Зато я успокоился. Мой голос в порядке, пульс тоже. Ты же этого хотел.

- Открой уже наконец-то дверь, музыкантишка. А то они ее сейчас выломают.
- Иду, иду. Открываю. Вот открыл. Проходите, господа офицеры. Добро пожаловать.
- Билинг, этот человек на меня скалится!
- Нет, нет, офицер! Это я улыбаюсь. Я рад вас видеть. Честно.
- Билинг, можно я его огрею палкой?
- Мирок, он же человек. Даже если он на тебя бросится с улыбкой на лице, тебе ничего не будет. Ты же двух метровый мужик с чешуей крепче черепашьего панциря по всему телу. Он даже ногти у тебя на пальцах отгрызть не сможет своими зубками.
- И то верно говоришь, Билинг.
- Ты лучше Мирок, зачитай им их права и грузи в повозку».

Лара слушала внимательно каждое слово. Смысл сказанного был ей не ясен, но она уловила, что это был разговор двух или трех людей, где-то далеко. За окном что-то зашумело, Лара обернулась в сторону двери и на секунду увидела яркий свет, будто солнце пробивалось сквозь стекло коридорного окна. Видение исчезло с той же скоростью что и появилось. Лара подскочила и подбежала на цыпочках к окну. Но за стеклом был полумрак, слегка подсвеченный уличным фонарем с той стороны дома, а в стекле отражался светлый коридор. Девочка заглянула в комнату, в ней была видна только ее же тень, стелившаяся по полу и растерянно придерживающая рукой свою голову.

Лара не видела в темноте, как на лице ее бабушки появилась легкая улыбка. «Сладких снов, доченька», звучало в голове старого Голда.

Лара сбежала по лестнице и наткнулась на маму и тетю.

– Вы сейчас видели яркую вспышку и еще громкие крики, будто двое или трое ругались? – Лара спросила слегка возбужденным голосом, заглядывая за плечо матери. Ее взгляд был направлен на окно.

– Да, не волнуйся, Лара. Это Хилл и дядя Хол отремонтировали свет на крыльце, – ответила Виктория.

– Да и Холоф учил сына, как охотится на грызунов, – Мария скорчила гримасу отвращения, вспомнив, что она увидела через окно.

– Точно? Больше ничего не слышали? Мне показалось. А ну, да, ладно, бог с ним. Что на ужин? Надеюсь не грызуны? – Волнение сменилось на игривое настроение, и на лице появилась милая улыбка.

– Мама приготовила, рагу из тыквы, пирог из тыквы, запекла тыкву, и на десерт тыквенные рулет. – Люк появился в комнате. – Это в честь вашего приезда. Она говорит, что это любимая еда тети Мари, – он подмигнул матери, и стрельнул в нее из пальца-пистолета.

Та в ответ хлестнула его полотенцем:

– Люк преувеличивает, десерта не будет. Не успела.

– Спасибо, сестра. Но тыква это мое самое нелюбимое растение с детства.

– Ох, я бы запомнила, если бы ты чаще появлялась в родном доме, сестра, – Виктория прошла в прихожую и распахнула дверь. – Хол, мальчики, к столу.

Не дождавшись ответа она хлопнула ее и вернулась обратно.

– Солнышко, – она обратилась к Ларе. – Ну, ты то хоть не переняла скверных привычек от своей матери?

– Тетя Виктория, я вся в отца! – Лара дразнила свою мать. – Он не привередливый. Мы дома едим все, что готовит мама.

– А готовить она никогда не умела... – Виктория подмигнула племяннице. – Идем Солнышко, поможешь мне накрыть на стол. А на счет криков ты быстро привыкнешь. Потом еще скучать по ним будешь! Они у нас в доме вместо будильника. Хорошо наш отец, твой дедушка, уже плохо слышит. А то давно бы уже всех на место поставил и кричал громче всех.

Ужин проходил замечательно. Холоф сквернословил, пересказывая новости за неделю, Мария убеждала всех в том, что не стоит верить всему, что показывают по телевизору и пишут в сети, Виктория сжалась над младшей сестрой и подала к столу курицу, после того как пятнадцать минут наблюдала как Мария ковыряла свою порцию супа. Хилл проявлял благоразумие и не вступал в споры между взрослыми. Лара же ела молча, наблюдая за происходящим, но она будто отсутствовала за столом. Девочка думала о том, что было у бабушки в комнате.

– Лара, а ты что думаешь по поводу нашего президента? – вдруг спросила Виктория. Но девочка не ответила.

– Лара! – громче позвала ее мать.

– А. Что с президентом случилось? Я не расслышала, – Лара пришла в себя.

– Вот твой дядя Холоф, говорит, что ему пара уступить место кому-то по моложе, без семьи, и более либеральными и современными взглядами.

– Да, – она ответила на автомате.

– Вот, у ребенка вполне здравомыслящая точка зрения! – Холоф стукнул бутылкой по столу.

– Мама, а у бабушки есть друзья или знакомые по имени Клинтон и Уилфред? – Лара перебила дядюшку.

– Кто, Прости? Повтори? – переспросила Виктория, удивленно озираясь на Марию.

– Вроде Клинтон и Уилфред, – не смело повторила девочка.

В комнате наступила тишина.

– Уилфи – это мой пес. Он был у меня в детстве, – тихо продолжила Виктория глядя на Марию.

– Откуда ты это взяла, кто тебе рассказал? – Марии спросила дочь. Ей стало понятно по выражению лица Виктории, что Лара услышала эти имена не от нее.

– Да, точно. Уилфи! Так бабушка и сказал, – ответила Лара.

– А Клинтон – это был мой кот, – ответила Мария. – Тебе это бабушка рассказал?

– Да нечего особенного, мы поговорили немного пока он ел. я правда ничего не поняла из его рассказа, будто он сам с собой говорил, – ответила Лара будто оправдываясь.

На нее удивленно смотрели все кто был за столом.

– А что, разве это не тот кот, Мари, который упал в дерево-дробилку? Я помню, Виктория рассказывала, как ты две недели не выходила из своей комнаты. А кстати, комната в которой сейчас живет Голд, она была твоей? – Спросил Холоф. – И что можно было понять из невнятного бурчания старика Голда, – он продолжил трапезу.

– Мама? Это правда? – с ужасом спросила Лара.

Мария молчала грозно сведя брови и глядела на Холофа.

– Мой пес Уилфи, вообще-то его должны были звать Вулфи. Я просто не выговаривала букву «В» в детстве, за год я успела научиться выговаривать имя Вулви, но все уже окрестили его Уилфредом, – пояснила Виктория. – Так вот, он хвостом ходил за Клинтоном. Куда кот туда и собака. Это было похоже на дружбу. Но Клинтону так не казалось. Он бегал от Уилви

и однажды убежал не туда.

– Ну, все! Хватит сестра, – она взяла Викторию за руку и перевела взгляд на дочку. – Дальше у меня был нервный срыв, и отец запретил заводить домашних животных. Раз и навсегда. Потом я выросла и сама больше не хочу этого делать. Мне хватает и тебя. За тобой так же нужно убирать, кормить три раза в день, чесать, ласкать, и следить, чтобы не сбежала, – Мария заметила улыбку на лице дочери. – А что? Скажешь это не так?

В ответ она услышала только тихое кошачье «фррр» от дочери.

– Но помню, что отец не особо любил этого кота. Он был персидской породы, все время оставлял всюду свою шерсть и постоянно мяукал, будто пел что-то, – улыбнулась Виктория. – Отец постоянно приходя домой выгонял Клинтон на улицу. Ладно. Хватит о плохом, давайте приступать к десерту!

– А что с Уилфредом случилось? – спросила Лара.

– А он потом сбежал! Хотя зная отца, он мог его отдать, чтобы никому не было обидно, – спокойно ответила тетя. – Может это и к лучшему. Наверняка так было лучше, повторила она, уходя на кухню.

В комнату вошел Люк, его руки по локоть были в машинном масле. Он провозился в гараже дольше положенного и пропустил ужин.

– Что здесь такое происходит? Почему такие задумчивые у всех лица? – спросил он.

– Нам родители рассказывают странные истории из их детства, – пояснил Хилл.

– Ох, интересно послушать, – обрадовался Люк.

– Не выйдет, мы уже поужинали. Иди приведи себя в порядок. Ты мне понадобишься позже, – Холоф вмешался в разговор, строго и без колебаний. – Ты закончил ремонт?

– Нет, – Люк посмотрел на отца.

– Тем более.

– Иди мойся, – из кухни появилась Виктория. – Я тебя позже покормлю, – сказала она и быстро засунула кусочек пирога сыну в рот.

На часах было уже девять вечера. За окном по желтой выжженной земле бегал летний ветерок, поднимая пыль. В свете фонаря было хорошо видно, как зарождаются маленькие песчаные воронки, пытаясь тянутся все выше и выше не отрываясь от земли, подбирая с нее все что попадало под молодой вихрь, грозясь вырасти в безжалостный смерч, но вдруг резко растворялись попадая на широкую гравийную дорожку. Дым из сигареты Холофа, пытался угрожать подобно ветру, принимая разные угрожающие формы, но это совершенно не пугало мужчину, он курил уже больше тридцати лет и только получал удовольствие. Холоф перепробовал всё: сигары, трубки, папиросы заводские, папиросы самодельные; среди подарков на день рождения он получил больше десятка трубок. Ничего не прижилось, кроме добрых старых сигарет из табака, что выращивался в этом округе. Того табака, который он по молодости собирал на плантациях, потом отвозил на фабрику, а став постарше принял должность начальника производства на той же фабрике, и в итоге по выслуге лет вышел на заслуженный отдых. Его желтые от никотина пальцы, его желтые с прожилками зубы, золотая зажигалка с гравировкой от работников фабрики, все говорило о том, что этот человек будет курить до самой смерти. Притушив сигарету и оставив окурки в пепельнице, Холоф поднялся с кресла и заглянул в дом через окно веранды.

– Вики! Жена! Кто-нибудь покормил старика? – Он говорил голосом присущим дикторам на новостном телеканале произносящий свои дежурные фразы каждый вечер вот уже десяток лет.

– Да, я помню. Как раз готовлю поднос, – раздался голос из дома.

– То-то же! А то решили голодом заморить отца, – пробубнив под нос, Холод сел обратно. Его вечерний ритуал был соблюден.

– Хол, ты бы проверил всю проводку, а то в комнатах наверху тоже свет моргает, – снова раздался тот же голос из дома.

– Хорошо. Позови младшего бездельника. Надеюсь он уже набил свое брюхо. Пускай поможет, – Холоф немного повысил голос, глядя на новые песчаные воронки, что упорно пытались преодолеть подъездную дорожку, и ухмыльнулся.

Виктория передала наказ отца младшему сыну, и тот пулей полетел выполнять. По дороге причитая, «оставался бы в кампусе, с ребятами. Чего меня суда понесло на каникулы».

– Лара, будь добра, отнеси дедушке Голду ужин, – стучась в комнату к племяннице, попросила Виктория. – А то твоя мать в душе. Вряд ли мы ее скоро дождемся.

– Конечно, не дождемся, – улыбнулась девочка, подсакивая с кровати и бросая телефон на подушку. – Что на ужин? – она взглянула на поднос. – Его нужно кормить?

– Это каша. И мясо. И тыква. Есть он пока сам, просто надо напоминать ему, где он находится. А то бывает, отец ругает кухню, официантов, поваров. Ему как-то в городе подали не вкусный стэйк. Так он семь раз отправлял мальчишек на кухню, вспоминая этот случай. Но бывает, что приходилось его кормить.

– Понятно, – Лара пожалала плечами и пошла на второй этаж.

Комната было закрыта. В помещении было душно, и пахло старостью. Лара держа одной рукой поднос, другой нащупала выключатель на стене, но он не сработал. Аккуратно пройдя в глубь комнаты в темноте, она вспомнила, что пару часов назад свет за ее спиной озаривший

на секунду комнату, показал ее обстановку. На тумбочке за кроватью она видела настольную лампу с желтым абажуром. Лара делала аккуратные шаги, чтобы не дай бог не споткнуться, мягко шагая по застеленному ковром полу.

– Мари, – раздался шепот в тишине. Чей-то мужской голос прозвучал за спиной. Лара вздрогнула и замерла. Холодок пробежал по спине девочки. Посуда задрожала на подносе, звеня друг о друга. – Тетя Мари? – голос снова донесся из-за спины. – Вы чего тут в темноте? – Лара обернулась и увидела в проеме худощавого братца Люка.

Парень бодро зашагал в темноту, через всю комнату. Обогнул девушку с подносом и зажег яркую настольную лампу.

– А это ты! Привет! – поздоровался Люк.

– «А это ты?», – чуть ли не заикаясь повторила Лара. – Я чуть не умерла со страха! – шептала она.

– Можешь не шептать, дедуле все равно, – улыбнулся Люк.

– Очень рада этому факту. Ты чего пришел? Зачем тебе моя мама?

– Меня отец отправил проверить всю проводку в доме. И я вспомнил, что в этой комнате уже давно не горит свет. Лампочки все время выбивает. Где-то короткое замыкание наверное, – он пожал плечами. – И отец сказал, что мама отправила тетю Мари к бабушке. Вот.

– Понятно. И что? Ты сейчас собираешься чинить свет в комнате.

– Да, а что? Дед Голд все равно есть собирается. Давай поднос.

Люк поставил поднос на столик возле светильника. Лара впервые за долгие годы увидела лицо бабушки. В последний раз, когда мать брала ее с собой в гости к родным, ей было лет девять или десять, и бабушка был тогда бодрым пожилым мужчиной. Он подбрасывал девочку в воздух и ловил, кружа в теплых лучах весеннего солнца, он смеялся... Они смеялись. Лара вспомнила те дни отголосками смутного прошлого. Расплывчатые картинки появлялись будто под толщей воды. А сейчас она хорошо видела того родного старика из прошлого. Бледное морщинистое лицо, даже спящим оно казалось усталым. Поредевшие неопрятно приложенные черные волосы вперемешку с седыми. Они были коротко подстрижены и торчали в разные стороны, повторяя изгибы подушки. Глядя через эти семь-восемь лет, Лара не узнавал своего бабушку.

– Тут много работы, я схожу за инструментами, – сообщил Люк и скрылся за дверью.

Лара проводила его взглядом. В комнате на секунду стало тихо как прежде.

– Что сегодня на ужин, дочка? – старый Алаиз приоткрыл глаза и повел носом. – Мясо? Молоко? И зажаренный хлеб?

– Привет, бабушка! – Лара тут же обернулась к деду.

– Ты кто? – Голд обратился к своей гостье. Он поднял подбородок и недоверчиво рассматривал девочку.

– Я думал, придет одна из моих дочерей. А прислали какую-то девчонку. Видать плохо я их воспитал, что даже в старости не могу на них надеяться. Ну, что же. За не именем лучшего... Бери стул, присаживайся. Как тебя зовут?

– Лара, – она снова опешила от такого поворота.

– Ла-ра, – дед сделал акцент на первый слог. – Что за странное имя у девочки. Твои родители ненавидят тебя с рождения? Я буду звать тебя... – старый Алаиз задумался. – Лаура. Так приятней звучит. Ты ни против?

– Нууу, – просипела девочка себе под нос, не решаясь ответить. В голосе бабули что-то

изменилось. Лара заметила, что пару часов назад он говорил немного иначе. Нежнее что ли... Это сбило ее с толку и она замешкалась с ответом.

– Вот и замечательно. Давай, тогда угощай старика. Откуда ты говоришь, приехала? – дед довольно бодро протянул руки к еде.

Лара снова обратила внимание на реакцию старика. «И с чего все решили что он умирает?», подумала она но не решилась спросить вслух.

– Я не говорила, – ответила Лара.

– Ну, так самое время. Рассказывай.

– Я из Порта Филиока. Тот, что на восточном берегу.

– О, знаю, знаю. Там живет моя младшая дочь. Мария. Она вышла замуж и укатила со своим муженьком подальше от старика-отца. Городская она, прям как я был когда-то. Ты знаешь, я же не всю жизнь тут прожил. Я родился и вырос в Аджарджо, в самом центре полуострова. Я городской парень, девочка. И только после того как повстречал любовь всей моей жизни, я остался здесь, в этом захолустье. Но я не жалею, тут оказалось хорошо. Кто бы мог подумать, что я найду здесь себя. А? Никто не знал. И даже я сам. Просто прыгнул с головой. Была не была.

Дед замолчал не на долго, приступив к ужину. У старика Алаиза был отменный аппетит. «Врачи все таки приврали или преувеличили предсмертное состояние дедули», Лара молчала, но очень «громко» думала.

– Что ты сказала? – чавкая спросил старик Алаиз.

– Ничего. Я молчу, – испугалась вопроса Лара.

– Да? Ну, ладно. А ты чего здесь делаешь, Лаура? Зачем сюда приехала? Путь из Порта Филиока не близкий.

– Я тут родственников навещаю. Дедушку. Он у меня старенький. Мы с мамой приехали. Она тоже давно его не видела.

– А. Это правильно. Старикам вроде меня, нужно внимание родных. А то растишь, воспитываешь их, готовясь к дряхлой старости, а они и стакана воды не принесут. Кстати, где мой стакан воды? – возмутился старик.

– А воды не было, – растеряно произнесла Лара, шаря глазами по подносу и прикроватной тумбочке.

– Да не! Не пить. Мне после еды нужно куда-то челюсть положить свою. Верхние зубы на половину вставные. Видишь? – Старик открыл рот, предварительно проживав тыкву, показал как его верхняя челюсть выпала на язык и обратно.

Лара еще никогда не видела такого, шурясь она с интересом приглядывалась, желая разглядывать вставную челюсть. Но не разглядев не стала просить повторять такое.

– А где мои дочери? – Алаиз говорил не внятно, выравнивая языком искусственное небо.

– Они внизу. На первом этаже. Мама... Мария и Виктория, – оговорила Лара, хотя уже не понимала почему скрывает свою личность.

– Мама? Чья мама? – Старик Голд перестал жевать. – А ты странная девочка.

– Мама. Моя мама, ее тоже зовут Мария, – немного испуганно ответила Лара.

– А, ну хорошо, – старик продолжил трапезу.

– Если вам, мистер Алаиз, больше ничего не нужно, я пойду.

– Голд, зови меня просто Голд. Я хоть и старик, но мистером Алаиз я привык слышать только на работе. А мы дома, – он обвел ложкой вокруг комнаты и раскрыл широко глаза. Лара увидела на одном глазу белое бельмо, похожее на катаракту и отпрянула.

Из скрипучего старческого горла, послышались металлические нотки, как в первую встречу.

– Дом, родной дом. Ладно, беги дитя. Тебе пора спать.

Лара собралась и вышла из спальни бабушки, шагая спиной к двери. Не успев, выйти за порог она столкнулась с Люком. Он налетел на нее, так же, не ожидая ее появления в дверях.

– Ой, извини. Ты чего спиной вперед ходишь? – воскликнул Люк.

– А ничего, ничего. Я пойду. А ты лампочки чинить, – Лара была немного растеряна.

– Ну как там бабушка?

– Поговорили немного, – Лара нахмурилась, ей захотелось прилечь. – Давно его не видела.

– Ну, да. Поговорили, – Люк скептически отнесся к словам сестры. – Ты его кормила, а он чавкал. Тебе бы поспать с дороги, ты выглядишь уставшая, вот и мерещиться всякое. Поговорили, – он снова ухмыльнулся.

– Завтра уже будешь пользоваться рабочим выключателем, обещаю! – Люк подмигнул сестре, вертя отверткой и плоскогубцами в руках. – Мама постелила тебе новое постельное белье. Я видел. Иди спать.

– А, хорошо. Спасибо, – Лара не поняла реакции брата.

Девочка пошла по коридору, к лестницы и вниз. Слышала, как Люк разговаривал с бабушкой, что-то весело насвистывал, а дед лишь, что-то отвечал набитым ртом, совсем не похожее на полноценное общение. Лара запомнила доносящуюся до нее мелодию и попыталась тоже ее насвистеть, но совсем тихо.

Она через силу приняла горячий душ, зашла в свою комнату и упала на кровать, будто к ней был привязан морской якорь, по рукам и ногам стягивающий и тянувший ее на дно темного водоема снов. Стоило ей только прикрыть глаза, как она уже не помнила себя. Вместо нее на воле очутилась новоиспеченная девушка Лаура. Прозвище так сильно въелась в подкорку, что сонная иллюзия легко подхватила мысли девочки о недавней встрече.

На окне в комнате Лары не висело плотных штор или хотя бы занавесок. Они сейчас висели на бельевой перекладине для одежды, которая стояла на маленьком балкончике второго этажа. Виктория сняла их за день до приезда гостей и постирала. Поэтому солнце в комнате Лары появилось раньше, чем в остальных. Оно выглянуло из-за холма ровно в шесть и быстро добралось своими жаркими лапами до постели девочки. Она лежала ногами к окну и лучи сползли по стене подогрева одеяло, остановившись аккуратно на лице крепко спящей девочки.

– Какого черта? – заспанный девичий голос прозвучал на всю комнату. Стены в доме были толстые, звуконепроницаемые. Никто из жильцов не услышал ее возгласа, лишь парочка воробьев спорхнуло с ветки.

Она щурилась, закрывая лицо руками и кутаясь в одеяло, пытаясь еще немного поспать, но солнце уже заполнило всю комнату теплом и ярким светом. Он отражался от всех поверхностей: металлических ножек кровати, лакированного паркета, белых глянцевых обоев, хромированного абажура настольной лампы. Весь мир сейчас был настроен против Лары и напоследок его решающим аргументом в пользу раннего подъема с улицы донеслось пронзительное коровье мычание, подхваченное петушиным криком. Лара зажмурилась, она услышала из соседнего окна гостиной, голоса ее родственников.

Люк зашёл в обеденную комнату вышагивая как павлин, демонстрируя свою обновку.

– Что это на тебе надето? – хихикнул Хилл. – Да ты модник!

– Это старые дедушкины джинсы из шестидесятых! – Люк повернулся боком как модель на подиуме, громко отстаивая свой наряд. – Это сейчас модно!

– Куда собрался, ковбой? – Подшучивал отец, шурша газетой.

– Не слушай их сынок! Ты так в них похож на дедушку в молодости, – поддержала его мать, громко взбивая что-то ложкой. – Стройный, красивые.

– Твоя мать, хочет сказать, что ты похож на нее, когда она ходит в обтягивающих джинсах, сынок! – отец снова пошутил. Они с Хиллом в голос засмеялись.

– Спасибо за комплимент, – Виктория тоже хихикнула.

– Ох, да ну, вас, – Люк махнул на них рукой. – А вы знаете, что вчера мне сказала наша Лара? Она с дедушкой разговаривала!

– Да, мы знаем, – Хол не удивился. – Дай пощупать материал.

Люк подошёл ближе, на расстояние вытянутой руки:

– Вы знаете? – А вот Люк удивился.

– Слушай, сынок, а ты не умеешь от жары в них? – прогремел Хол. – Знаем, знаем. Теперь я уверен, что следующие пару дней дедуле будет не скучно.

– Это Деним, пап, все нормально, не жарко, – ответил его Люк. – И что вас это не волнует.

– Не волнует, – Хол снова неприятно захрустел газетой и вернулся к джинсам. – Он же толстенный, ты в них даже присесть не сможешь. Смотри не перегрей свое мужское достоинство. Им нужен свежий воздух! – отец переглянулись с остальными в комнате, и поймал довольный взгляд Хилла. Они оба рассмеялись.

– Так довольно, над ним потешаться. Но правда, сынок, не носи их долго и часто, – мать тяжело вздохнула.

– Фуф, и действительно жарко, – Люк еле просунул руки в карманы.

– А ведь сейчас только утро. Представь, что будет днём!

Лара окончательно проснулась, последние витающие в воздухе обрывки сна растворились. Она открыла глаза:

– О, боже! За что мне это? – взмолилась девочка, обула тапки. Шаркая к двери, надела по дороге халат и вышла в гостиную.

– Доброе утро, Солнышко! – бодро встретила ее тетя. – Хорошо спалось?

– А можно мне сегодня на ночь наглухо заколотить окно, – она оглядела присутствующих на предмет сочувствия и сострадания. Но никто из мужчин не отреагировал.

– Я сегодня повешу тебе шторы. Будет лучше, – ответила Виктория.

Лара была удивлена, что мальчишки, уже давно привыкшие к городской жизни, учась в университете, так рано вставали, находясь здесь.

– А чего так рано? Проголодался? – ехидно спросила она у брата.

Люк, молчал; мальчишки синхронно показали глазами на своего отца. Блага Холоф этого не видел, он листал страницы, ловя утренние лучи солнца на серой газетной бумаги.

– Ранняя пташка, червяка клюет, – загремел голос Холофа из-за утренней корреспонденции. Он был с похмелья, болен и зол.

Газета легла на стол, и Лара увидела прозрачную кружку с чем-то странным, в жидкости похожей на пиво, крутился и переливался в солнечном свете плотный полупрозрачный комок, будто Холоф распотрошил лавовую лампу и вылил себе в пивную кружку. Лара сглотнула слюну и перевела широко раскрытые от удивления глаза на дядюшку.

– Чего ты? Хочешь попробовать? – спросил Холоф.

Кружка взмыла вверх и опустела за пару глотков.

– Попроси у моей жены, если хочешь такой завтрак. Она его готовит отменно! Спасибо, дорогая! Я пойду проверю, что там у соседей с водой. Мне кажется они начали капать где не положено и скоро доруют до водопровода. А вы, – он глянул на своих детей. – Доедайте скорей еду и присоединяйтесь. Я найду вам занятие по душе! – он натянул зловещую ухмылку и обнажил желтые зубы.

– Лара, Солнышко! Ты еще не проснулась, – он глянул на племянницу. – Может утреннюю сигаретку? Могу угостить!

– Нет, спасибо. Я такие слабые не курю. Мне потом хочется выхлопными газами подышать, – дерзко ответила девчонка.

– Ха, наша порода! Будто с матерью твоей разговариваю. Учитесь парни! Сестре то вашей палец в рот не клади, – он глянул на сыновей. – Ладно, правильно! Не кури. Не каждому это под силу. Вырастишь, научу тебя выпивать!

– Хол! – возмутилась Виктория. – Иди уже по своим делам! Не слушай его, Солнышко. Несет всякую чушь.

– Отца покорми, – напоследок бросил Хол и захлопнул дверь. Его тяжелые шаги были слышны через открытое окно. Виктория не успела ничего сказать, как Лара вызвалась первой:

– Я! Можно я пойду кормить отца! То есть дедушку. Я.

– Ну, как пожелаешь. Хочешь, иди, – Виктория не особо сопротивлялась. – Сама соберешь поднос?

– Да, конечно.

Лара поднялась с подносом балансируя на ступеньках торопясь в комнату старика

Голда. Но заглянув внутрь никого не застала, кровати была пуста и нигде в комнате старика не было видно. Она прошла поставив поднос на прикроватную тумбочку озираясь по сторонам. Лара не стала поднимать шум; девочка с завистью посмотрела на плотные шторы, что с таким успехом скрывали комнату в прохладной тени и полумраке. Она подошла к запертым окнам и готова была раздвинуть шторы, как вдруг за спиной услышала страшный хрип старческих голосовых связок и громкий рык, непривычный для Лары:

– Мария! Не смей! Только настольная лампа. У меня болят глаза от яркого света.

Лара обернулась, она не ожидала такого внезапного появления, но не сказала ни слова.

– Стоило только отлучиться в туалет, и ты уже здесь хозяйничаешь! Что было вчера на ужин? Сегодня просто кошмар. Надо сказать Лауре, чтобы не готовила больше на ужин такое мясо. Жесткое, соленое, и вообще не вкусное. Будто не она готовила, – старик продолжал бурчать, но только гораздо тише.

– Вчера на ужин, – Лара осеклась, не пытаясь напомнить или убедить в чем-то деда.

Старик Голд медленно взобрался на кровать и попытался удобно усесться подминая подушку под спину. В его движениях чувствовалась сила, он вел себя уверено и осознано.

– Мария, посидишь с отцом? Давай, присядь. Расскажи как проходят твои дни. Садись, – настаивал старик.

Лара послушно пододвинула стул к кровати и села.

– А я расскажу, как проходят мои...

Дедушкин глаз блеснул в свете настольной лампы, отражая белую посуду на подносе у него под носом.

– Я немного поем, а ты мне расскажи про школу, про сестру. Тебя больше не задирает эта училка? Деревенщина. Хоть бы учили чему, а то лишь умеют, что отчитывать. Пойди в школу, приди из школы, пойди в школу, приди из школы, сделай уроки, возьми с собой учебники, принеси учебники в школу, забери учебники из школы, сделай уроки дома, сделай уроки в школе... С утра и до вечера, с утра и до вечера, с утра... – голос Голда рассеялся по комнате и превратился в белый шум.

Он говорил повторяя одно и тоже пока девочка на стуле не погрузилась в сон. Перед ее глазами начали всплывать образы. Чем дальше шептал старик, тем четче вырисовывалась картина.

«– Когда взойдет солнце, зажмурься. У твоего скафандра нет защитного стекла. Я сам поведу тебя, Джимми.

– А куда делось защитное стекло, Фрэнки? – возмутился Джимми.

– Не знаю. И у тебя только один кислородный баллон, – Фрэнки постучал брату по тяжелому металлическому цилиндру и Джимми почувствовал пару тяжелых толчков в спину.

– А это как вышло, что у меня один баллон?

– Денег не хватило на четыре. Тем более ты меньше. Ну, а я буду тебя тащить почти половину пути. Так, что нормально, справимся.

– Ты уверен? – У младшего брата появились сомнения, Фрэнки увидел это на его лице.

– Джимми, Джимми-бой! – Фрэнки взял его за плечи и повернул к себе, чтобы брат мог его видеть. Хорошенько встряхнул, да так, что под тяжестью костюма у Джимми чуть не подкосились ноги. – Ты чего, ты чего раскис? – он улыбался, насколько ему позволял шрам на щеке, который Джимми помнил еще с детства. Жирный кусок рубцовой ткани пересекал

лицо старшего брата от уха до подбородка. Джимми не помнил, что случилось с братом, так как был еще мал, а Фрэнки скрывал правду, рассказывая всякие небылицы.

– Нет, нет. Я готов. Готов! – ему снова вернулась уверенность. Его глаза заблестели по-прежнему.

– Вот и славно. Вот и славно, – Фрэнки отвернулся, убедившись в твердости его слов. Он смотрел в иллюминатор «Пегас – 547», корабля межпланетных рейсов. Это было грузовое судно, с одним пунктом назначения.

– Фрэнки, ты думаешь, она нас ждет? – Джимми постучал по плечу брата, привлекая его внимание.

– Джимми-бой, конечно ждет! Конечно! Она мне писала. Я же тебе показывал сообщения. Ведь так? Ты их видел, ты их читал.

– Но прошло гораздо дольше времени, чем мы предполагали.

В ответ Фрэнки хотел возразить что-то дельное, но их разговор нарушила сирена. В тот же миг коридор, в котором стояли двое братьев, замигал красно-рыжими огнями и из динамиков раздался голос, запись на все экстренные случаи: «Внимание, внимание, внимание».

– Фрэнки, что происходит, почему у тебя такое лицо? – Джимми в панике замахал руками. – Почему мигают лампы?

Корабль тряхнуло, и братья всеми руками схватились за поручни. Джимми ничего больше не спрашивал, он мог только издавать неразборчивые звуки, а Фрэнки не понимая его молчал, для ответа его руки были заняты.

Зашипели аварийные люки, и по корпусу прокатилась вторая мощная волна вибрации. Фрэнки и Джимми выглянули в иллюминаторы, за окном в черной непроглядной темноте, они увидели как еле заметные силуэты эвакуационных капсул отстыковываются от корабля. Прошло еще секунд десять, и из тени корабля на свет, выплыли две маленькие шлюпки, они под воздействием газовых рулевых пушек, направились прочь от судна.

– Бежим, – Фрэнки поманил за собой брата.

– Куда? – спросил Джимми, освободив руки.

– На корабле авария, – старший брат с трудом разбирал дорогу, вслух ругаясь на тех, кто придумал эти аварийные огни.

Дверь в кают-компанию и на рубку были заблокированы. За этими дверями были единственные спасательные шлюпки. Да и тех уже, скорее всего не осталось, ведь они рассчитаны только на команду корабля и капитана. А двух нелегальных пассажиров в плане эвакуации космического судна никто не предусматривал.

– Обратно! Обратно, – Фрэнки дернул младшего брата и потащил за собой.

– Нам нужно в торговый отсек, – он продолжал, говорить, не глядя на Джимми, рассматривая тусклые таблички-указатели в межотсековых муфтах.

– Сюда, за мной, – Фрэнки увидел нужный коридор. Он бежал, громко стуча по полу, тяжелыми ботинками скафандра. Но вот раздался свист, и ноги потеряли опору под собой. Из строя вышел датчик гравитации, началась разгерметизация салона. Фрэнки обернулся и увидел как Джимми, растерянно перебирает ногами в воздухе. Он уже захлопнул шлем, сквозь стекло были видны только его большие, голубые испуганные глаза.

– Молодец, Джимми-бой! – Фрэнки поднял большой палец вверх.

Теперь они плыли по красному коридору, словно два паразита, инородных тела, в кровеносной системе корабля. Судно хотело поскорей избавиться от них, и распаховало

двери отсеков на пути к цели. Тряска уже не мешала движению. Братья плавно и быстро, отталкиваясь от стен, летели к выходу.

Последняя дверь открылась, и они оказались в большом складском помещении с громадными воротами, ведущими в открытый космос.

– Фрэнки, что все-таки случилось? Авария?

– Скорей всего в нас попали астероиды с той стороны корабля, – Фрэнки показал руками на солнечную сторону. Из-за мигающего света Джиму было тяжело разбирать, что ему говорил брат. Он понимал через слово.

– Что будем делать?

– Мы сойдем с корабля тут! – он показал на ворота отсека.

– Но мы еще не долетели. Еще два часа.

– У нас нет выхода! Он может взорваться в любой момент!

– Откуда ты знаешь?

– Не знаю. Но ждать мы тут не будем!

Фрэнки рванул вперед и мгновенно оказался у клапана герметизации отсека. Теперь из-за аварии им не нужно было уравнивать давление, оставалось лишь открыть дверь и выпрыгнуть на ходу из корабля.

– Давай, Джимми! Джим! – Фрэнки позвал брата к себе. – Ты главное помни, мы приняли правильное решение.

Тот молчал, опустив руки. Фрэнки снова выглянул в иллюминатор, чтобы удостовериться, что рядом нет крупных обломков корабля и осколков астероида.

Кнопка открытия ворот сработала сразу, без запроса особого разрешения. В хвосте судна образовалась небольшая щель в десять метров. Это минимальное расстояние на которое они могли раскрываться. Двое разжали руки, отпустив поручни, оставшись неподвижно висеть в красно-желтой пустоте. Их инерция падала, и корабль избавляясь от них продолжал свое движение вперед. Вспышки красного света меркли с каждой секундой, поглощенные бескрайней темнотой. Прошло всего пара минут и громадина, которая только окружала их, уже была на таком расстоянии, что можно было увидеть все судно целиком.

Второй баллон был предназначен для движения. Крепко держа брата, Фрэнки направил их обоих в сторону синей планеты. Облетев корабль с солнечной стороны, им открылась аварийная часть судна. Но Фрэнки ничего не увидел. Ни пробойн от метеоритов, ни даже царапин на освещенном кузове корабля, лишь пустые отсеки от спасательных шлюпок.

Фрэнки охватил ужас. «Неужели все это зря? Ошибка навигации? Сбой системы?»

Фрэнки обернулся посмотрев на брата. Тот крепко держал его руку и жмурил глаза. Было видно, как Джимми, экономя воздух делал редкие вдохи, задерживая на долго дыхание.

Фрэнки думал. Он не понимал, что делать дальше. Он знал лишь что возвращение на судно потратит весь запас кислорода, и о дороге к родному дому можно забыть. А своим ходом добираться теперь на два часа дольше и кислорода у Джимми на это не хватит.

Солнце взошло над их родной планетой, и даже сквозь защитной стекло, которое ему продал вместе с двумя скафандрами, этот прохиндей Пепе, не помогало. Солнце заставляло сильно щуриться. Просить своего глухого брата открыть глаза это верная дорога к слепоте. Фрэнки не мог на такое пойти. Его брат находился к нему так близко, но он не знал, как ему сказать, что происходит. Теперь только ему принимать решение».

– Лара, ты здесь? Лара.

Где-то далеко звучал голос матери. Девочка кружила в глубинах космоса, вокруг умирающего корабля. Голос дедушки звучал в ее голове. Она тяжело открыла глаза, когда чья-то рука пыталась выдернуть ее из объятий холодного космоса.

– Лара, ты чего не отвечаешь, когда я тебя зову? Уснула, что ли? Вместе с дедушкой? – голос матери звучал так непривычно резким.

Девочка очнулась лежа на руке, на краю кровати. Сидя, откинувшись на подушке, Голд дремал, громко похрапывая.

– Да, немного не выспалась и задремала. Что-то случилось?

– Ну, завтра выспишься или посплывешь. Взгляни на своего деда. Хочешь быть похожей на него в свои пятнадцать лет. Ему только и осталось, что спать. Пока ты молода, бегай, играй, учишься, в общем живи. Поспать всегда успеешь, – Мария нашептала все это дочери на ухо и подняла ее на ноги и проводила в коридор. – Спускайся. Сейчас поедим.

– Куда?

– Куда-то. Потом узнаешь.

– Так ведь раннее утро. Куда можно ехать ранним утром.

– Тебе обо всем расскажет твоя любимая тетя. Шагай вниз.

– Я теперь начинаю понимать, почему ты сбежала в город. – Лара съязвила, и готова была спускаться по лестнице, но вдруг повернулась и спросила. – А ты пробовала искать бабушку? Ну, в смысле свою маму?

– Почему ты спрашиваешь? Тебе что-то снова рассказал дедушка? – заинтересовано спросила мать.

– Нет. Он рассказывал мне про школу. Как он устал от ваших занятий, а потом я уснула. Больно уж нудные у дедушки истории, – девочка пожала плечами и поскакала вниз по лестнице.

Мария посмотрела на дочь потом на отца, покачала головой и прикрыла дверь. «Если разговаривает, может не все так плохо...», подумала она.

Гравийная дорога проходила мимо дома Алаиз и уходила еще приличных двадцать или двадцать пять километров в горы. Она постепенно превратилась в серпантин, темно-зеленой тонкой змейкой увлекая все выше и выше к облакам. С высоты открывался незабываемый вид на долину за которой до самого горизонта простиралось синее море, не имея ни конца, ни края сливаясь с таким же небом. Лара подметила, это глядя через тонированное окно автомобиля. Машина ехала в высокогорный домик, что-то вроде дачи. Виктория везла их к остальным родственникам семейства Алаиз.

– Ты какая-то сонная, Солнышко! – Виктория смотрела на Лару. – Или мне показалось?

– Нет, не показалось. Я прям, валюсь с ног, – Лара разглядывала природу за окном упорно борясь со сном.

Окна были открыты и прохладный горный воздух перемешивался с палящим летним солнцем. Салон был наполнен каким-то не знакомым для девочки ароматом. Деревья цвели разноцветными бутонами, высокая трава на склонах казалась живой, повинуюсь порывам ветра, было слышно пение каких-то птиц и бесшумный электромобиль Виктории не нарушая эту идиллию.

– Мне приснился сон. Станный, – начала Лара.

– Ну, расскажи, свой странный сон, – предложила ей тетя. – Но прежде, скажи, о чем вы разговариваете с дедушкой? – она оглядела всех пассажиров и остановила взгляд на сестре

– Вы похоже сдружились.

– Я вот об этом и хочу рассказать, – Лара продолжила, перекрикивая порывы ветра.

– Ну, давай. Мы тебя слушаем, – поторопила ее мать.

– Я сидела с дедушкой Голдом, и он попросил меня рассказать о себе немного.

– Так, и что? – встряла Мария.

– Мам, ну я же рассказываю. Слушай, – Лару раздражала мамина манера общения.

– Ну, ладно, ладно.

– Дедушка спросил как дела в школе. Кстати, он со мной разговаривает как будто я это ты, мама. Он меня зовет Марией.

– Ну, это совсем не странно в его состоянии, вы с матерью похожи. Ты вылетая Мари в шестнадцать лет, только чуть красивее и не такая заноза, – Виктория с улыбкой посмотрела на сестру. – Хорошо, что он не путает моих мальчиков со мной. Да и вообще, странно что он давненько ни с кем не говорил кроме тебя.

– А Люк чем-то похож на тебя, – ухмыльнулась Мария.

– Ну, хватит, – возмутилась Лара. – Что правда, дедушка Голд ни с кем не разговаривает?

– Нет. Поэтому интересно, о чем вы говорите.

– Конечно, Солнышко! Рассказывай, я даже музыку выключу.

– Так вот. Дедушка, начал говорить про школу, про уроки и я слушала его, ждала, когда он закончит, и я что-нибудь расскажу. Но его голос, Интонация, я будто попала под гипноз и провалилась куда-то в темноту. Там были два мальчика Джимми и Фрэнк.

– А это не так звали мальчишек Виньо? – Спросила Мария у Виктории.

– Нет, Виньо Джонни и Коил. Не перебивай, – ответила сестра, слегка шлепнув Марию по ноге.

– Всё? Закончили? Могу продолжить? – Лара дождалась пока женщины утомоняться и продолжила. – Мальчики были одни на каком-то космическом корабле. Они отправились в полет, чтобы найти кого-то, они звали ее «Она». А потом на корабле случилась авария и им пришлось выйти в открытый космос. Но кислорода до их родной планеты им не хватало. Им пришлось возвращаться на аварийный корабль. И я так поняла, что мальчишка по старше вел мальчика помладше, потому, что тот был слепой.

Лара не успела закончить предложение, как резкий визг тормозов прервал ее рассказ. Машина замедлила скорость и остановилась. Виктория обернулась к Ларе с грозной миной на лице:

– Это дедушка тебе рассказал, – ее голос был возмущенный и даже немного злой. – Это он тебе эти истории рассказывает за завтраком? Про кошку, про слепого ребенка?

– Виктория, что не так? – с ужасом спросила Мария.

– Ты не понимаешь? Либо ты рассказываешь своей дочери наше прошлое, либо отец вполне себе в здравом уме. Вот откуда она знает про нас?

– Что я знаю, про вас? – в недоумении спросила Лара.

– Да, Виктория. Что она знает про нас?

– Да, всё! Буквально все! Про твоего Клинтона, про Уилфи, про то, как мы сбежали из дома в детстве, – пояснила Виктория.

– Мы сбежали из дома в детстве? – переспросила Мария.

– Не придуривайся! Все ты помнишь. Твое зрение, поездка в город, операция, потом твой рассказ, как ты встретила маму в больнице. Ну же? – Виктория развела руками глядя на недоумевающие лица сестры. – Тебе пять, мне семь. Тебя привозит тетя Клаудия, у тебя

повязка на все лицо, чтобы не чесала глаза, и ты мне вечером говоришь, что ты перед операцией видела маму. Как ты этого не помнишь?

– Операцию помню. Мне что вырезали из верхнего века. Но это я запомнила из рассказов отца и тети Клаудии. А что было дальше?

– А дальше, я вытащила тебя среди ночи из кровати и мы сбежали из дома. Я украла у отца деньги и повела тебя на станцию. По дороге я потеряла деньги, когда мы бежали через поле. А еще из-за меня у тебя на руке этот маленький шрам. Ты упала и порезалась. Я не знала, что дальше делать и мы вернулись домой.

– Вот это да! – тихо прошептала Лара, выпучив глаза на тетушку. – И действительно несносная.

Виктория мельком глянула на племянницу и вернула взгляд на сестру:

– Теперь ты понимаешь? Если ты этого не помнишь, а отец подробностей не знал! Как Лара об этом узнала?

– Понятия не имею, – Мария сидела в задумчивости.

– Может с молоком матери? – шопотом произнесла Лара.

– Лара! Не до шуток сейчас, – строгий голос матери прозвучал убедительно.

– Ладно. Молчу.

– Ну, что Виктория, поедем обратно или доедем доверху? – поинтересовалась Мария.

– Доедем конечно! Тут не много осталось.

Остаток пути прошел в тишине. Даже из динамиков больше не доносились голоса. Все погрузились в свои мысли. Снова было слышно лишь шелест трав на ветру и тихое шуршание колес по дороге. Машина белым не естественным для здешней природы цветом, ползла по серому извивающемуся телу серпантина.

Сразу за домом старика Алаица стоял большой амбар, он же мастерская Холофа. Запасов в нем давно поубавилось, с тех пор как старик стал слабеть умом, а вот Холоф приспособил его по-новому. Он сделал из него свое логово. Огородил часть помещения, очистил, залил бетонный пол и поставил кое-какую мебель. Вторую часть он оборудовал под мастерскую. Поставил пару слесарных станков, чтобы упростить себе немного жизнь, и было чем заняться на пенсии. Еще заставлял сыновей освоить все станки, инструменты и каждое лето проверял, не забыли ли они чему он их научил. С тех пор как он стал отцом, его смыслом жизни стало передать детям все хорошее, что было в нем. Выточить из этих еще податливых болванок, нечто стоящее, достойное приличного общества. И пока Холоду не приходилось краснеть за своих детей.

Эти летние каникулы были не исключением. Хилл был уже как год выпускником Национальной Академии Финансов и взял небольшой отпуск в конторе за свой счет. А Люку предстояла еще два года учебы в университете, и как минимум один месяц в году он будет проводить в кругу семьи. Отец был за то, чтобы дети уехали из родительского дома, чтобы плодились и размножались по всей стране, но «быть мужиками вы должны везде. Лампочку починить, колесо поменять или в конце концов дом построить – это вы обязаны сделать сами», неустанно повторял он, глядя как его чумазые отпрыски ковыряют его старую машину, в очередной раз разбирая и собирая ее по частям.

– Люк! – крик из амбара разнесся по округе. – Люк! Где ты ходишь? Я долго буду ждать?

– Иду! – раздалось где-то далеко от мастерской.

– Да поздно уже. «Идет он», видите ли. Бежать надо было! – Холоф стоял на пороге с поднятой вверх правой рукой.

По предплечью стекала тонкая струйка, пропитывая рукав рубашки красным.

– Вот, пап. Все, что нашел. Аптечка в доме, – отозвался Хилл подбегая к отцу.

– Да не пойдет эта тряпка! Рви рукав! – приказал Холоф сыну. Сделать это самому было трудно, зажимая левой рукой рану.

Сын рванул за рубаху и скатал рукав до запястья.

– Теперь вижи, – Хол отодвинул немного ладонь и из-под нее начала хлестать кровь.

Минуту назад лезвие циркулярной пилы треснуло и отлетев, полоснуло Холофа по предплечью, разорвав кожу и порезав вены; через порез можно было разглядеть красную плоть. Блага никого кроме него рядом не было – его мальчишки сидели в салоне машины, отлынивая от работы, и все остальные осколки разлетелись в холостую.

– О, боже, спасибо тебе, что они такие ленивые, Господи! – тихо причитая Хол направил взгляд в небо.

– Чего ты глаза выпучил? Бери машину Мари и вези меня в больницу. Надеюсь, с этим справишься? – Он тихо рявкнул на сына.

Из-за дома показался Люк:

– Не могу найти аптечку! Мама ее куда-то спрятала, наверное!

– Ага! Конечно. Вашей матери делать больше нечего. Наверняка у тебя между глаз лежит, а ты не видишь, – Хол отмахнулся здоровой рукой от сына.

– Хилл, заводи. А ты Люк останешься дома. Предупреди остальных и за дедом приглядывай. А это что у тебя в руках, ты меня мыть собирался, брезгливый ты мой? – зло

ржавкнул на младшего сына отец. Тот пожал плечами.

– Лишь бы успели. Лишь бы, лишь бы, – причитал Люк, держа в руках желтые резиновые перчатки.

Хилл мигом нашел ключи от внедорожника Марии и машина, пыля всеми четырьмя колесами, умчалась в сторону города.

В доме наступила тишина. Повсюду были разбросаны вещи и раскрыты шкафы. Пол был усеян ровным слоем макулатуры. Это Люк вывернул и вытряхнул все, что смог открыть.

Прибрав немного беспорядок Люк поднялся на верх к старику. Алаиз лежал в постели, неподвижно глядя в потолок.

– Все в порядке дедушка? – Спросил для проформы Люк. – Папа порезал руку и Хилл увез его в больницу. Тут не далеко, скоро вернутся! – ему хотелось с кем-нибудь поговорить.

Он подошел ближе и сел на кровать спиной к дедуле. Люк накрыл своей ладонью кисть старика и не навязчиво проверил пульс.

– Ты еще живой, дедуля. Это радует. А вот у отца порез очень глубокий, не повезло ему, – тихо и грустно шептал Люк.

– Хол Прайс? – дед повернул и резко схватил внука за руку, тараща свои больные глаза. – Ты чего делаешь тут? Где Виктория?

– Я не Хол, я Люк Прайс, дедушка, – паренек подскочил от неожиданности с кровати, но не смог далеко отскочить. Кисть Голда как железный капкан, хоть и старый и уже давно ржавый, но все же держала его руку.

– Да! А так похож на Хола, – старый Алаиз на пару секунд задумался, а потом ослабил хватку. – А ты мне не принесешь воды!? В горле пересохло.

– Хорошо, – ответил Люк потирая запястье. Он был сильно удивлен таким поведением старика.

– А я тебе потом, что-то расскажу. Но пусть это останется нашим секретом, – Алаиз снова откинулся на подушку.

Автомобиль подскакивал на каждой кочке и бился колесами о каждую ухабину, Хилл гнал на грани между безумием и здравым смыслом. Скорость на поворотах иногда была не меньше, чем по прямой, но приземистый внедорожник Марии уверенно вписывался в трассу, оставляя за собой лишь пыль. Холоф сидел на заднем сидении и держался за руку, обняв спинку переднего кресла. Он молчал, полностью доверившись сыну. Боль в руке прошла уже давно, о ране напоминало только большое красное пятно, пачкающие кремовую кожу обивки салона. Холоф не боялся женщин и их гнева, и в жизни не мог подумать, что когда-то ему придется виновато смотреть в лицо одной из них и вымаливать прощение. Мысль о порезе потеряла смысл, когда он представил себе разговор с Марией, если он конечно, выживет сегодня. Силы в руках пропадали, голова начинала кивать и биться о подголовник. Сознание покидало его. Хилл позвонил по дороге в больницу, когда машина выскочила на трассу.

Он успел привести отца во время. Местный хирург, доктор Октавио быстро остановил кровь, заштопал порез и наложил повязку. Даже пришлось влить немного чужой крови.

– Ох, вам повезло. Хотя порез глубокий и рана получилась рванная, но сухожилия целые. Быстро заживет, Хол. Главное не шевели рукой какое-то время, а то швы разойдутся. И повязку меняй раз в день, – предупредил доктор.

– Хорошо доктор, я прослежу, – подтвердил Хилл, в отличии от отца внимательно слушавший доктора.

– И хорошо, что дети были рядом. А то до больницы бы не дотянул, – доктор подмигнул Холофу. – Быстро гнал, наверное, Хилл?

– Да еле плелся, машина не так, – скромно ответил парень. – Вы бы видели, какой у меня сосед взял «аппарат»...

– Так, хватит брехать, – вмешался отец. – Пойди-ка, узнай, успел ли позвонить твой брат матери. Давай-ка, трепло, иди уже. Сосед у него «аппараты» покупает!

– Понял, – грустно ответил сын. – Будет сделано.

Хилл вышел из кабинета и закрыл за собой дверь.

– Долго еще мне тут лежать, Октавио? – нахмурился Хол.

– День...

– Ну, хорошо.

– И ночь! – Доктор поднял указательный палец. – Завтра поедешь домой. Я скажу твоему сыну, что может забрать тебя с утра.

– Да, твою же... Какого... – Холоф нецензурно выругался. Да, так что доктор заткнул демонстративно уши. – Это я не тебе, – пояснил пациент. – Ты, доктор – молодец. Я вообще, про ситуацию в целом.

– Ну, ясно. Спасибо, – доктор открыл дверь и вышел. Холоф остался один в кабинете, полулежа на откинутой спинке больничного кресла.

Виктория умудрилась проехать поворот к домику. Мысли о прошлом копошились у нее в голове, возникая все более и более ясными воспоминаниями.

– Виктория, а куда мы едем? – Тихо спросила Мария.

– Черт, проехали! – очнулась сестра.

– Проехала, – пояснила Мария.

– Да, да. Снова я виновата, – она крутила руль, пытаясь развернуться. Машина послушно совершила маневр и тихо посвистывая, покатила вниз по склону.

– Вот. Вот этот поворот.

– Знаю, Мари. Я просто задумалась, вот и проскочила его. Не надо из этого делать трагедию.

– Я и не делаю.

– Нет, делаешь.

– Сейчас-то я уже взрослая, – вмешалась Лара в детскую перебранку взрослых людей. – А вот скажи, мама. Когда я была маленькая, я у вас с папой просила братика или сестренку?

– Почему ты спрашиваешь? – отвлеклась Мария.

– Так ведь понятно почему спрашивает, – ответила Виктория, по очереди указывая пальцем то на себя то на Марию. – Она тонко высмеивает наши отношения.

– А. Ну, если ты переживаешь, что у тебя была бы такая же сестра как твоя тетя Виктория, так не переживай. Это только старшие сестры такие... – она замешкалась подбирая эпитет для сестры. – Ну, знаешь, вот такие, – она поджала губы и скорчила гримасу.

К тому времени машина подъехала к забору, за которым и был «дачный» домик с родственниками Алаиз. Младшая сестра Голда, Аими Алаиз была одной из жильцов, которая сегодня осталась дома одна. А вот ее муж и маленькая внучка пошли на прогулку

по лесу. Дети Аими оставляли своих отпрысков на лето бабушки и дедушки, а сами отправлялись в отпуск на склоны горнолыжных курортов или в дебри восточных стран.

Услышав звук приближающейся машины, Аими тотчас же поспешила встретить гостей.

– Будто дежавю, – тихо пробубнила Мария под нос, когда увидела на пороге в тени козырька высокий женский силуэт.

– Ага. Это ты в старости, – поняв о чем идет речь, Виктория опередила сестру язвительной речью.

– Невыносимая.

– Да обе вы оказывается, невыносимые, – Лара открыла дверь и выскочила из машины.

Аими вряд ли помнила давно уже повзрослевшую малютку Лару. Но старческая дальновзоркость позволила ей разглядеть в девочке знакомую походку ее племянницы Марии.

– Ты ее дочь!?! – громко прозвучал голос бабушки с порога. Он показался Ларе до боли знакомым, она его слышала последних два дня.

– Ее. Я Лара, – девочка протянула руку женщине, поняв о ком говорит Аими.

Без лишних слов эта внешне суровая на вид женщина схватила крепко девичью ладонь и без лишних прелюдий подтянула ее к себе, заключив в объятия. Лара успела только глубоко вздохнуть перед этим и уповать на бабушкину осмотрительность.

– Ну, и достанется сейчас твоей дочери, – сообщила Виктория, улыбаясь.

– Да, уж. Мои кости все еще помнят объятья Аими, – потирая кончик носа сказала Мария. – С годами они стали только крепче.

Женщины сидели в машине, и ждали пока вся «любовь» Аими достанется девочке.

– Чего вы там расселись? – прозвучало грозное контральто прямо над ухом Лары.

Лара осознавала свою беспомощность и ей оставалось лишь беспомощно прибывать в объятьях старушки. Хотя такой ее назвать было сложно, не смотря на старческий запах который шел от ее одежды. На вид ей было около пятидесяти, рост выше среднего и плотное телосложение, она при желании могла остановить всадника на лошади.

Насладившись крепкими семейными объятьями, Аими отпустила внучку, но тут же резким движением поставила ее рядом с собой.

Купить полную версию книги - <https://knigoed.net/url/3nl>